

А. А. ЗИМИН

Общественно-политические взгляды Федора Карпова

Одним из наиболее ярких писателей-публицистов первой половины XVI века был Федор Иванович Карпов. К сожалению, действительное место его в развитии русской общественно-политической мысли до настоящего времени не выяснено. Карпова рассматривали обычно сквозь призму западного влияния, считая его чуть ли не прямым последователем немецкого доктора и богослова Николая Люева (Булева), долгое время жившего на Руси.¹ Считалось бесспорным, что Карпов выражал взгляды боярства.² Изучение сохранившихся материалов позволяет пересмотреть эту точку зрения.

Ф. И. Карпов принадлежал к числу виднейших политических деятелей времени правления Василия III и Елены Глинской.³ Первые сведения о нем относятся к 1508 году,⁴ последнее — к 1539 году.⁵ Вскоре после 1539 года он, очевидно, умер.⁶

Политическая деятельность Карпова проходила по преимуществу на дипломатическом поприще. Ф. Карпов принадлежал к числу верных сподвижников Василия III и был одним из руководителей восточной политики Русского государства. С. О. Шмидт даже считает, что Карпов «способствовал выработке правил русской дипломатической службы, которым следовали вплоть до конца 17 в.»⁷

Историки обычно считают Карпова боярином.⁸ Однако Карпов боярином никогда не был. В 1529 году, т. е. сравнительно поздно, он получил

¹ В. С. Иконников. Максим Грек и его время. 2-е изд., Киев, 1915, стр. 235. — В. Ф. Ржигя. Боярин-западник XVI века (Ф. И. Карпов). Ученые записки Института истории РАН ИОН, IV, М., 1929, стр. 39—48.

² И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М., 1947, стр. 182—187. — Е. Н. Кимеева. «Послание митрополиту Даниилу» Федора Карпова. Труды ОДРЛ, IX, стр. 220—234.

³ Подробно его биография изложена В. Ф. Ржигю (ук. соч., стр. 39—41).

⁴ Сборник РИО, ХСV, стр. 14, 19, 44, 45.

⁵ В октябре 1539 года Ф. И. Карпов присутствовал на приеме крымских послов (ЦГАДА, Крымские дела, кн. 8, л. 650 об.; ср.: В. Савва. О посольском приказе, в кн. 1, X. 1917, стр. 325).

⁶ В описи книг Волоколамского монастыря 1545 года уже упомянута книга, которую по «Федоре по Карпове дали» (В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Приложение, стр. 15).

⁷ Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд., т. 20, стр. 251.

⁸ Это ошибочное мнение было высказано уже Филаретом (см. его статью «Максим Грек», — Москвитянин, 1842, № 11, стр. 51), а также издателями сочинений Максима Грека опубликованными письмом Ф. Карпова (Максим Грек, Сочинения, ч. III, стр. 274). Боярином считает Карпова также В. С. Иконников (ук. соч., стр. 196) и др.

звание окольничего.¹ После смерти своего брата, оружничего Никиты Ивановича Карпова,² Ф. Карпов получил в 1537 году звание оружничего,³ т. е. сделался одним из наиболее доверенных лиц при дворе Елены Глинской.

Близость Карпова к боярским кругам Е. Н. Кимеева пытается вывести из факта переписки его с Максимом Греком и из того, что в деле Берсеня-Беклемишева был замешан двоюродный брат Ф. Карпова Петр Муха Карпов (1525 год).⁴ Но ведь учеником Максима Грека был и Зиновий Отенский, выражавший взгляды осифлян; близок был к Максиму Греку также осифлянский архиепископ тверской Акакий; бывал в келье у Максима Грека Иван Грозный и т. д. Все это не делало названных лиц сторонниками боярской оппозиции. К тому же Федор Карпов не только не был близок по своим взглядам к Максиму Греку, но и в целом ряде случаев расходился с ним (например, в воззрениях на астрологию и др.).

Столь же неудачна ссылка и на Петра Карпова, ибо участие в том или ином процессе XVI века родственников могло и не бросать тени на видных политических деятелей. После 1525 года Ф. Карпов не только не попал в опалу, но вскоре получил думный чин. Сохранил свое видное положение при дворе и его брат оружничий Никита Карпов. Впрочем, даже Е. Н. Кимеева признает, что служебная деятельность Ф. Карпова «непосредственно служила укреплению Русского государства», считая в то же время, что мысли и взгляды публициста резко расходились с этой деятельностью.⁵

Федор Карпов принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Он должен был хорошо знать по своей многолетней дипломатической деятельности восточные языки,⁶ знаком был с латинским и греческим языками.

В своем послании к митрополиту Даниилу Карпов дает дословный перевод двух стихов из «Метаморфоз» Овидия,⁷ а в послании Филофею он замечал, что сочинения Филофея написаны «омировым... словом и риторским разумом».⁸ Отсюда мы выводим, что ему были известны в подлиннике или в извлечениях произведения Аристотеля, Гомера и Овидия. Карпов находился в переписке с образованными людьми своего времени — Максимом Греком, старцем Елеазарова монастыря Филофеем, митрополитом Даниилом и другими.

К сожалению, наши сведения о публицистической деятельности Карпова весьма ограничены. Опубликовано всего три послания этого писа-

¹ Сборник РИО, XXXV, стр. 792—793. Указания так называемого Шереметьевского списка (ДРВ, ч. XX, стр. 19, 24) о том, что Карпов был окольничим с 1516 по 1517 год, а умер в 1529/1530 году, ошибочны.

² Сведения о Н. И. Карпове как оружничем относятся к 1513—1526 годам (П. Н. Миллюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 52, 73).

³ Сб. РИО, LIX, стр. 65. В том же году двухлетний сын опального Андрея Старицкого, Владимир, был передан Карпову «блюсти» его (М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской. Исторические записки, кн. 46, стр. 284).

⁴ М. Н. Тихомиров. Новый памятник московской политической литературы XVI в. Сб. «Московский край в его прошлом», ч. 2, М., 1930, стр. 112. Ср.: Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 221—222.

⁵ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 234.

⁶ В феврале 1538 г. Иван IV «велел грамоты (крымские, — А. З.) части Федору Карпову» (ЦГАДА, Крымские дела, кн. 8, л. 473 об.).

⁷ См. сообщение В. Ф. Ржиги на заседании Отделения русского языка Академии Наук 22 февраля 1914 года. Известия Академии Наук, VI серия, 1914, № 15, стр. 1105.

⁸ БЛ, Собр. Тихомирова, № 380, л. 124.

теля: одно к митрополиту Даниилу¹ и два к Максиму Греку.² Сохранилось до сих пор не изданное послание Карпова к иноку Филофею.³ Это, конечно, далеко не всё литературное наследие Карпова.⁴ Некоторые материалы о его взглядах мы черпаем из пяти посланий к нему Максима Грека. Два из них посвящены опровержению взглядов Николая Немчина, энергичного защитника идеи соединения православной и латинской церквей.⁵ Два послания Максима Грека посвящены критике астрологических воззрений, которых был не чужд Ф. Карпов.⁶ Наконец, последнее послание его же по поводу недоумения Карпова относительно критики Максимом Греком взглядов Николая Немчина.⁷

В этих произведениях Карпов неоднократно награждается такими эпитетами, как «пречестнейший»,⁸ «премудрый».⁹ По Максиму Греку, Карпов был муж, украшенный «разумом и православием».¹⁰ Позднее Курбский также именовал Карпова «разумным мужем».¹¹

Федор Карпов интересовался самыми разнообразными отраслями человеческого знания. Максим Грек писал, что он не стремился «отклонить» Карпова «от врачества или от иного некоего философского ведения... ниже от зрения небесных».¹² Следовательно, астрономия, медицина, «философия», политические учения, классическая поэзия входили в круг вопросов, с которыми Ф. Карпов был знаком.

Волновала этого публициста проблема происхождения земли и жизни на ней.¹³ Интересовали Карпова и вопросы богословские, однако в них он не был достаточно осведомлен. Прослышав о «мудрости» Николая Немчина, Федор Карпов обратился к нему с посланием, которое содер-

¹ В. Г. Дружинин. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века. ЛЗАК, вып. XXI, СПб., 1909, стр. 106—113.

² Одно издано Н. К. Никольским (см. его «Материалы для истории древнерусской духовной письменности», — Христианское чтение, 1909, № 8—9, стр. 1123—1124), другое — в примечаниях к одному из сочинений Максима Грека (Максим Грек, Сочинения, ч. III, стр. 274—277).

³ БА, Собр. Тихонова, № 380, лл. 124—124 об. О нем вскользь упоминал еще В. Ф. Ржига (Известия Академии Наук, VI серия, 1914, № 15, стр. 1105). Однако позднее в своей основной работе о Ф. Карпове Ржига об этом послании ничего не писал.

⁴ Так, на ряд не дошедших до нас посланий Карпова ссылается Максим Грек (Сочинения, ч. I, стр. 235—236; Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 1123).

⁵ Максим Грек, Сочинения, ч. I, стр. 235—322. Второе послание является непосредственным продолжением первого; в одной из рукописей оно озаглавлено «Его же благодатию укрепляеми скоро и прочюю часть того слова пошлем, в ней же обличение глав Николаевых» (БА, Троицк. собр., № 201). Оба слова были написаны в то время, когда Максим Грек работал над переводом Псалтыри, т. е. до 1525 года (Максим Грек, Сочинения, ч. I, стр. 237). В. Ф. Ржига датирует обращение Карпова, в ответ на которое были написаны послания, 1519 годом (В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 43). Однако он не приводит аргументы в пользу своего предположения.

⁶ Максим Грек, Сочинения, ч. I, стр. 399—434, в частности стр. 347—376. Второе из посланий датируется 1524 годом (там же, стр. 353). Первое произведение, впрочем, не имеет прямого адресата; оно является скорее полемическим трактатом, чем посланием, обычно считается посланием Ф. Карпову на том основании, что в нем содержится рассказ о Людовике Миланском (стр. 427), входивший по словам Максима Грека, в его первое послание к Ф. Карпову (стр. 357); датируется обычно 1523 годом. (См.: Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, вторая половина. Чтения ОИДР, 1916, кн. IV, стр. 234).

⁷ Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 1122—1123.

⁸ Максим Грек, Сочинения, ч. I, стр. 280, 308, 320.

⁹ Там же, стр. 240, 241.

¹⁰ Там же, стр. 320; в другом месте (стр. 236) Максим Грек характеризует Ф. Карпова как мужа «в православии знаменита и многим во истину разумом украшена».

¹¹ РИБ, XXXI, стлб. 436.

¹² Максим Грек, Сочинения, ч. I, стр. 371—372.

¹³ Там же, ч. III, стр. 274—277.

жало «вопрошания некая искушательне» относительно основных догм православия и католичества.¹ Николай Булев (Люев) прислал ему ответ, в котором утверждал, очевидно, что между православием и католичеством существенных различий нет. Не будучи в состоянии разобраться в этих вопросах, Карпов написал письмо Максиму Греку с просьбой изложить его соображения по поводу взглядов Николая Булева.²

Е. Кимеева считает, что «интерес Ф. Карпова к идее соединения церквей был своеобразным проявлением оппозиционности к существующему строю».³ Никаких оснований, однако, говорить о том, что Карпов разделял идею соединения церквей у нас нет. Переписка Карпова с Николаем Булевым и Максимом Греком по вопросу о католичестве и православии свидетельствует о пытливости передового мыслителя, но ничего не говорит о его «оппозиционности к существующему строю».

По богословским вопросам Карпов отнюдь не считал себя авторитетом и ссылался на Максима Грека, как знатока православия, начитанного в святоотеческих книгах. Когда некий священник не понял одного места в послании Максима Грека и высказал свои сомнения по поводу его взглядов, Карпов возразил: «Престани, Стефане... не можешь им одолети словом ему. Вем аз Максима».⁴ В сочинениях самого Ф. Карпова мы находим ссылки на Библию, на произведения Аристотеля, Гомера и Овидия, но там нет ни одной ссылки на святоотеческую литературу.⁵ Это, конечно, нельзя объяснить одной недостаточной осведомленностью Карпова в писаниях «святых отцев». Возможно, перед нами свидетельство своеобразного пренебрежения к так называемому «преданию», характерного для постепенного освобождения общественно-политической мысли от богословской оболочки.

Федор Карпов сочетал прекрасное знание современной ему действительности с хорошей литературной и философской подготовкой. Ошибочным является представление Е. Н. Кимеевой о том, что интерес Карпова к Овидию и Аристотелю — «показатель реакционности его взглядов», ибо «реакционные круги, ненавидя всеми силами центральную власть, стремились противопоставить русским порядкам западноевропейские».⁶

Жажда познания и глубокое уважение к «философии» (как совокупности известных тогда наук) и силе человеческого разума сочетались у Федора Карпова с отчетливым сознанием недостаточности собственных знаний и стремлением к их пополнению. «Мнит ми ся, отче, — писал он Максиму Греку, — подобает недомыслящемуся не стыдиться, о них же не доммыслия, но исповедати неразумие свое мудрейшим». Следует «мудрейшим вопрошати да добр совет ведут и неразумие на разум преложат и томящуюся мысль добре успокоят». Ныне, писал Карпов, «изнемогаю умом, в глубину впад сомнения».⁷ Карпов обращался к Максиму Греку для разрешения своих сомнений прежде всего как к «философу».⁸ Он ценит «разумных ученых и мудрых».⁹ Его прельщают сочинения, кото-

¹ Там же, ч. I, стр. 235—236.

² Там же.

³ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 223.

⁴ Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 124.

⁵ Поэтому неправа Е. Кимеева, подчеркивающая «прекрасное знание Ф. Карповым богословской литературы» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 224).

⁶ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 234.

⁷ Максим Грек, Сочинения, ч. III, стр. 275.

⁸ Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 1124.

⁹ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 106.

рые «омировым... словом и риторским разумом пригодне сложени, не варварски же, ни невежески, но грамотически уметельне сложена».¹

В своем послании Максиму Греку Ф. Карпов писал: «Философское писание учит, боле нас сам веси; не вся глаголют, творим, елико можем, ниже всему верим, елико слышим, ниже вся глаголем, елико познаем. Прочее же сам веси».² Нужно, следовательно, стремиться к знанию, приобретенному опытом. Для Карпова важно то, что «достойно есть естеству».³ Добытое знание Карпов стремился использовать для целей практических, в частности — как средство укрепления великокняжеской власти.

Федор Карпов, несомненно, увлекался астрологией. Он не прекратил изучения светил и после специального послания к нему Максима Грека, вынудив тем самым этого публициста написать ему новое увещание. Максим Грек советовал Карпову «не мудрствовать тако о поспешествах и утверждении царей, яко глаголати: не мощно кроме астрологии споспешествовати тем».⁴ Карпов, следовательно, стремился изучить астрологию, чтобы помочь укреплению самодержавия.

Сторонником самодержавной власти выступает Карпов и в своем послании митрополиту Даниилу. Время и обстоятельства появления этого послания до сих пор остаются неясными. Его издатель В. Г. Дружинин предполагал, что послание написано в связи с опалой Карпова и обращением к нему Даниила с советом смиренно сносить испытания.⁵ Этот же взгляд разделяли В. С. Иконников, В. Ф. Ржига и И. У. Будовниц. Е. Н. Кимеева справедливо заметила, что для предположения об опале, в которую якобы попал Карпов, никаких данных у нас нет. Вместе с тем сама Кимеева пошла по пути произвольных предположений. Она полагает, что Ф. Карпов был глубоко возмущен заточением Максима Грека и поэтому обратился к митрополиту Даниилу «за объяснениями, а, может быть, даже и просил его оказать снисхождение последнему». Митрополит якобы ответил Карпову посланием, в котором «обосновывал необходимость терпения и смирения в обществе, и это мнение переносил на Максима Грека. И вот после этого-то и появилось известное нам послание».

Е. Н. Кимеева датирует послание Карпова 1526 годом, т. е. временем, последовавшим за осуждением Максима Грека в 1525 году. Выступление Карпова против пороков, в том числе и разврата, она связывает с разводом Василия III и его новым браком (начало 1526 года).⁶ Каждое из перечисленных соображений представляет собою догадку, дающую «основание» для все новых домыслов. Никаких намеков на связь с делом Максима Грека в разбираемом послании нет.⁷ Безосновательно предположение о каком-то еще не дошедшем до нас письме Карпова митрополиту Даниилу, о связи послания с разводом Василия III и т. д.

¹ БЛ, Собр. Тихонравова, № 380, л. 124.

² В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 124.

³ Там же, стр. 106. Под «естеством» Карпов понимал природу. Так, человечество первоначально «во время естества» жило «под законом естественным» до того, как утвердился «закон Моисеев» (там же, стр. 110). «Естество человеческое» упоминает Карпов и ниже (там же, стр. 112).

⁴ Максим Грек, Сочинения, ч. I, стр. 357.

⁵ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 33.

⁶ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 229—230.

⁷ Е. Н. Кимеева видит намек на это дело в рассуждениях Карпова «о царской милости» (ук. соч., стр. 230). Но о милости совсем не обязательно было говорить в связи с делом Максима Грека.

Несомненными остаются три факта: 1) послание Карпова является ответом на «эпистолию» митрополита Даниила;¹ 2) автор послания был «великими скорбьми одрѣжим»;² 3) в своем послании Даниил, вообще расположенный к Карпову,³ призывал его к терпению.⁴

Трудно сказать, когда написано было ответное послание Карпова, — скорее всего спустя ряд лет после заключения Максима Грека (до осуждения Максима Грека вряд ли Карпов одновременно находился в повседневной переписке с двумя столь различными по своим общественно-политическим взглядам деятелями). В начале своего сочинения автор воздает должное писательскому таланту и учености митрополита Даниила.⁵ Далее, однако, он вступает с ним в спор по вопросу о целесообразности терпения: «Аще речем, яко трѣпение паче есть потребно к соблюдению владычества или царства, тогда вотще сложены суть законы. Тогда обычаи святые и благые уставы разьрушени и в царствех и в начальствех во градах сожительство человек живет без чину».⁶ Е. Кимеева полагает, что выступая против «терпения», Карпов протестовал против концепции идеологов самодержавия (в том числе и самого Даниила), призывавших к покорности великокняжеской власти, т. е. выступал против неограниченной власти самодержца.⁷ Действительно Карпов выступал против осифлянской проповеди терпения. Но он выступал как защитник сильной самодержавной власти против цезарепапистских претензий воинствующих церковников. «Аще бо под трѣпением жити уставиши, — пишет Карпов, — тогда несть треба царьству или владычеству правители и князи; престанет убо начальство, владычество и господство и живется без чину... ниже треба будеть судей в царстве имети».⁸ Итак, если воцарится «терпение», то нарушится система господства и подчинения в стране, не нужны будут правители и князья. Карпов отличает церковное понятие терпения, когда оно Даниилом адресуется к светским властям, от подчинения народных масс этим властям, в необходимости которого он не сомневался: каждый народ должен иметь своих царей и начальников.⁹ Людям нужно жить «под цари, иже нас в царьствех и градах своих по коегождо сподоблению праведне пасуть, неповинных защищають, вредимых разьрешають, вредящих

¹ «Ныне убо что отвещаю тебе и како пресветлейшей епистолии твоей конец наложити возмогу» (В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 17).

² Там же, стр. 106.

³ «Славиши мя честию, ей же убо недостоин есмь, везде о мне проповедаеши и писанин твоими угоднейшими мене чевствуа, поздравляеши» (там же, стр. 107).

⁴ «Веледушна мя твориши к терпению» (там же, стр. 108).

⁵ Е. Н. Кимеева говорит, что преувеличенность этих похвал свидетельствует «об ироническом отношении к адресату» (ук. соч., стр. 225). Скорее мы имеем дело с обычной книжной риторикой публициста XVI века.

⁶ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 108.

⁷ Е. Н. Кимеева (ук. соч., стр. 230 и сл.), вслед за И. У. Будовницем, считает, что Карпов протестовал против осифлянской концепции, согласно которой подданные должны покорно и терпеливо переносить все дела монарха — «справедливые и несправедливые» (И. У. Будовниц, ук. соч., стр. 184). Тут уже неудачно изложены взгляды осифлян, которые отнюдь не оправдывали все дела монарха. Иосиф Волоцкий писал: «Аще ли же есть царь, над человеком царствуя, как собою же имати царствующа страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши всех неверие и хулу, — таковий царь не божий слуга, но диавол, и не царь, но мучитель... и ты убо такового царя или князя не послушаеши» («Просветитель» Иосифа Волоцкого, стр. 324—325).

⁸ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 109.

⁹ «В всяком языке и людех треба есть быти царем и начальником» (там же, стр. 110).

и озлобляющих казнят, не исцелных же весма от среды благых возъмут».¹

Внедрение церковной доктрины «терпения» в гражданское общество особенно вредно может отразиться на положении господствующего класса феодалов, обладающих многими слугами, дорогостоящим имуществом, оружием и деньгами. Если заявить, рассуждает Карпов, что «так как я терплю, то и всем этим не владею», тогда я буду не в состоянии исполнять служебные обязанности и буду бесполезен для отечества. «Дело народное² в градах и царствех погибнет дльгодушеством тръпения».³

Итак, выступление Карпова против «терпения» имело ярко выраженный классовый смысл. Публицист защищал интересы господствующего класса и отнюдь не был против смирения и терпения угнетенных классов, ибо существование феодалов он не мыслил без повиновения им слуг и других зависимых людей.

Не сторонником боярских привилегий, а идеологом складывавшегося самодержавия, отвечавшего интересам дворянства, рисуется нам Федор Карпов по его посланию к митрополиту Даниилу. Борясь против проповеди «терпения», Карпов выступал против претензий церковников на руководство светскими делами, против подчинения государства церковной идеологии. Карпов считал, что «ин есть суд в духовных лицев, а ин в мирском начальстве».⁴ Он допускает существование терпения для лиц духовного сана, например для монашествовавшей братии.⁵ Такое подразделение на светское общество и духовное, в котором «терпение» сохраняется, имеет совершенно определенную цель подчинения церкви растущему самодержавию и, следовательно, также направлено против осифлян. Поэтому неправа Е. Кимеева, считающая, что попытка ограничить политическую роль церкви означала стремление ослабить центральную власть и представляла собой отражение идей нестяжательства.⁶ Выступление против одной из основных догм православной церкви — христианского терпения — было одним из проявлений нового гуманистического мировоззрения, постепенно освобождавшегося от церковной оболочки.

Карпов не ограничился критикой взглядов воинствующих церковников. В послании к Даниилу он изложил также свое представление об организации государственного управления. Негативная сторона в его выступлении дополнялась позитивной. Государства, по Карпову, должны строиться на началах «правды» и «закона». Правду, т. е. справедливый образ правления, он противопоставлял христианскому терпению. Осифлянскую теорию теократического самодержавия Карпов пытался заменить рационалистическим представлением об идеальном государственном строе. Он писал: «... правда есть потребна во всяком градском деле и царстве к прибытию царства; поне иже единому комуждо еже свое есть въздается, свято и праведно живется, — тогда хвала трпения погибнет».⁷

¹ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 109—110.

² Очевидно, перед нами дословный перевод с латинского «Res publica» (это предположение сделано А. И. Клибановым).

³ «В мирском же начальстве истязуют, многа бо подвластных овогда убо слуг, иногда оружи, другойци коней, иногда одеж красных, иногда ина коя състоятся серебром, пенеьми и аще реку: аз трплю, не имея же предреченных в что вменится мое трътение, разве оставится от отечества изгонится от службы честны, причтется нищ, ко службе не потребне и некако по его отечеству, к тому же и домовная потреба много стужит» (В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 109).

⁴ Там же.

⁵ «В монастырех бо от братии никогда подобает оскудети трътению» (там же).

⁶ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 227.

⁷ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 109.

Без правды и закона долготерпение разрушает строй жизни государства и делает людей непослушными своим государям.¹ В своей теории Ф. Карпов опирается на авторитет Аристотеля: «Всяк град и всяко царство, по Аристотелю, управлятися имать от начальник в правде и известными законы праведными, а не тръпением».² Грозою правды и закона самодержец («началник всякаго самодръжства») должен «блудящих и врежающих грешник понудити... на согласие», а «добрых подвластных беречи своим жалованием и уроженною милостью».³

Карпов прямо не раскрывает, что он имеет в виду под правдой, — лишь в одном месте его послания говорится о введении правды судьями («иже коемуждо правду учинят»)⁴. Наряду с «правдой» не меньшее значение имеет в человеческом обществе и «закон»: «нужа бе человеком по вся времена под законы жити».⁵ Три ступени прошло человечество: первая — когда оно жило «под законом естественным»; вторая — «под законом Моисеевым» и третья — современная автору послания, когда человечество живет «под законом Христовым». Законы должны существовать для обуздания дерзких.⁶

Итак, если «правда» — справедливое управление государством,⁷ то «закон» — нормы человеческого общежития (понимаемые Карповым сквозь призму христианства). Но что такое справедливый строй, чьим интересам, по Карпову, он должен соответствовать? Выше мы уже подчеркивали дворянский аспект критики Карповым доктрины «терпения». То же можно отметить, разбирая представление автора об идеальном монархе.

Самодержец не должен потворствовать угнетению неповинных сильными. В противном случае он будет ответствен за грехи последних.⁸ Если же допустить существование в гражданском обществе «терпения», то «сильный погнетет безсилнаго».⁹ В этом выступлении против «сильных» звучал голос дворянского публициста против засилья боярской аристократии.¹⁰ «В нынешние времена, — писал Карпов, — мнози начальники на своих подвластных и сирых не призирают, но их под неверными приказщиками погнетатися попускають, о стражке должной стада порученного не радяще, под тяжкою работою терпениа жити своих попу-

¹ «Долготръпение в людех без правды и закона общества добро разьрушает, и дело народное ни во что низводит, злыа нравы в царствех вводить и творит людей государем не послушны за нищету» (там же).

² Там же.

³ Там же, стр. 110.

⁴ Там же, стр. 109.

⁵ Там же, стр. 110.

⁶ «Сего ради законом быти нужна бе, да тех страхом человеческая дерзость запретится... Того ради даны законы да некто силне вся възьможетъ» (там же, стр. 111). Е. Н. Кимеева полагает, что Карпов, выступая против дерзких и злых, имел в виду дворянство (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 231). Это — неправильное толкование вполне ясного текста.

⁷ Е. Кимеева считает, что под «правдой» Карпов «понимает законы, основанные на „обычаях святых и благих уставах“». Следовательно, по Карпову, царь должен управлять по законам, основанным на каких-то старых обычаях и традициях, а неограниченная власть — это беззаконие» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 231). Однако Карпов нигде не говорит, что правда основана на «обычаях святых и благих уставах», а тем более на «старых» обычаях. «Правда» не является ограничением власти монарха, а лишь путем к наиболее рациональному ее осуществлению (см., например, у Пересветова). Наконец, Карпов нигде не рассматривал неограниченную власть самодержца как беззаконие.

⁸ «Аще... неповинных от сильных погнетатися попустит, тогда грехи и насильства погнетают своих творит за тая ответ въздати велиему судии должен» (В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 110).

⁹ Там же, стр. 109.

¹⁰ Там же, стр. 110.

скають».¹ Если публицисты нестяжательского направления, в том числе и Максим Грек, мрачными красками рисовали положение крестьянства в монастырских вотчинах, то Карпов впервые показал тяжкий гнет, которому подвергались крестьяне во владениях крупных светских феодалов.

Впрочем, идеология дворянства, настоятельно требовавшего укрепления централизованной государственности, не всегда последовательно проводилась Федором Карповым. К тому же в 20—30-х годах XVI века не вполне созрели те условия для решительной борьбы с боярством, которые сложатся позднее, после тяжелого опыта боярской реакции в годы малолетства Ивана Грозного. Критикуя боярскую аристократию в своем послании к Даниилу, Федор Карпов не намечает конкретных мер борьбы с засилием боярства. Даже больше — он полагает, что одних законов для осуществления справедливого управления недостаточно, необходима еще «милость» правителя. «Ради милости бо предстатель и князь от подвластных велми любитя, а истинны ради боится. Милость бо безъс правды малодушество есть, а правда без милости мучительство есть, и сия два разрушаютъ царство и всяко градосожителство. Но милость правдою пострекаема, а правда милостью укрощаема сохраняюя царя царство в многоденстве».²

Требование «милости» объективно являлось проявлением непоследовательности Карпова, не понимавшего необходимости решительных мер для борьбы с политическими противниками самодержавной власти.³ Именно поэтому он кончает свое послание картиной пороков современного ему общества, конкретных путей для уничтожения которых и торжества «правды», «закона» и «милости» он не нашел. «...хромыми ногами, — пишет он, — слепыми очами она земная власть и все естество человеческое ходить ныне».⁴ Угнетение сильными слабых, власть денег,⁵ социальная рознь («ныне брани везде»), усиление эксплуатации («вземляй ризу, хочеть взяти и срачицу... все прилежит ближняго похитить») — таковы некоторые из недостатков социального строя в России, которые подметил зоркий взгляд Федора Карпова.

Это не скорбь об уходящем в прошлое «золотом веке» господства боярской аристократии,⁶ а мучительное ощущение неустроенности реальной жизни, которая должна быть основана на началах «справедливости».⁷ Если Федор Карпов — первый из дворянских публицистов —

¹ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 110.

² Там же, стр. 111.

³ Однако, конечно, неправа Е. Н. Кимеева, усматривавшая в сочетании «правды» с «милостью» «типичный старобоярский взгляд на власть царя» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 231). Ни один из идеологов боярства не поднимался до представления о «правде» как основе государственного строя, которое мы находим в сочинениях дворянских публицистов Ф. Карпова и И. Пересветова.

⁴ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 112.

⁵ «Златыя веки суть в истину ныне: много златом приходит сан, златом свевуется любовь, в цене цена ныне есть» (там же). Кимеева считает, что «выступление Ф. Карпова против золота можно расценить, как отголосок тяжелого положения в конце запутавшегося в долгах боярства» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 236). Это мнение, однако, автор не подкрепляет данными источников.

⁶ Мнение Е. Н. Кимеевой, что Карпов разделял мечту о возврате прошлого, об «обетованной земле живых», где вечны и неизблемы «старые обычаи» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 232), основано только на предвзятой начальной посылке о боярском характере взглядов публициста. Нигде о «старых обычаях» Карпов не говорит, как не говорит и о возврате вспять. «Обетованная земля живых» в данном случае не что иное, как аллегорическое представление о загробном мире.

⁷ Неверно, что обличение современных публицисту порядков переходит у Карпова «порой в прямое порицание современной ему государственной власти» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 228). Этого в послании Ф. Карпова просто нет. Только стремлением

понял эту необходимость реформ социально-политического строя, подверг критике хищническую политику «сильных» бояр, то следующее поколение этих публицистов и, в первую очередь, Иван Пересветов уже наметят конкретные пути укрепления централизованного государства и борьбы с боярской оппозицией.

* * *

Федора Карпова роднит с Иваном Пересветовым весь строй их мыслей как передовых писателей, выражающих чаяния растущего дворянства. Правда, при сравнении обоих публицистов нужно иметь в виду, что они писали в разное время; в 20—30-х годах XVI века не стоял еще так остро вопрос о государственных преобразованиях, как он встал после майского восстания 1547 года и периода боярского правления. Однако Федор Карпов, дальновидный мыслитель и политический деятель, сумел почувствовать неустроенность современного ему общества, вскрыть имевшиеся тогда в социальном и политическом строе язвы и показать необходимость построения государства, основанного на «правде», «законе» и «милости» в соответствии с интересами дворянства. В сочинениях Пересветова мы уже находим развернутую картину «идеального государства» — царства Магмет-салтана, который ввел в своем государстве «правду» и создал справедливые законы.

Несмотря на то, что у обоих публицистов в идеологии сохраняются следы религиозной оболочки («закон», как христианский закон, у Карпова и пересветовское «правда есть Христос»), оба писателя выступают как противники церковного мировоззрения. У них у обоих мы не находим и следов использования святоотеческой литературы; оба они в духе реформационных учений обращаются лишь к Евангелию и Библии, а чаще всего предпочитают обходиться и вовсе без каких-либо ссылок на церковные авторитеты (Пересветов в большей степени свободен от налета церковной идеологии, чем Карпов, вместе с тем в его сочинениях нельзя обнаружить следов влияния на автора античных писателей). В целом оба публициста оставили образцы вполне светской литературы, общественно-политической по своему содержанию.

Для выражения сходных общественно-политических идей оба писателя используют форму обращения к политическому деятелю. У Карпова это — послание, направленное митрополиту Даниилу, у Пересветова это — челобитная Ивану Грозному. Послание Карпова сохраняло больше черт зависимости от предшествующей литературной традиции, особенно от публицистических посланий Максима Грека. Большая челобитная Пересветова уже вполне свободна от выработанного ранее литературного шаблона полемического послания. В произведении Карпова явственнее обозначена критическая сторона, тогда как внимание Пересветова по преимуществу сосредоточено на положительной стороне вопроса строительства централизованного государства.

Лейтмотивом у Карпова является борьба с церковным мировоззрением и отстаивание идеи сильного и справедливого (с дворянской точки зрения) самодержавия. Пересветов уже не считает необходимым вести полемику с идеологами воинствующей церкви — он уже вовсе игнорирует иосифлянскую идеологию.

зачислить Карпова в лагерь боярских реакционеров можно объяснить вывод Кимеевой о том, что Карпов «в конце послания... выказывает себя противником всякого прогресса, всякого движения общества вперед» (там же).

Оба писателя высоко ценят «философские знания», «науку», «мудрость», которые они стремятся поставить на служение своим политическим идеалам. Именно поэтому астрологию и Карпов и Пересветов пытаются использовать в целях укрепления власти самодержца.

К числу основных представлений, характеризующих политические воззрения обоих публицистов, относится понятие правды как справедливых форм государственного устройства. У Карпова это понятие еще только декларируется и не раскрывается во всем его многообразии.

Пересветов уже не столько рисует необходимость введения «правды» в государстве, сколько показывает пути ее внедрения. Эти пути, столь неясные для Карпова, Пересветовым очерчены в обстановке начавшихся реформ середины XVI века довольно отчетливо. Оба публициста резко выступают против «сильных» (Карпов) или «вельмож» (Пересветов), хотя критика тягостных последствий хозяйничанья бояр в стране ярче и конкретнее у Пересветова, испытавшего на себе результаты боярского правления в малолетство Ивана Грозного.

И Карпов и Пересветов выступают против «терпения» или «кротости», которыми настойчиво советуют руководствоваться в политике иные приближенные монарха. «Кротость» или «терпение» могут привести к разорению и гибели государства. Разница между публицистами только та, что острее этого утверждения у Карпова направлено против осифлянской церкви, а у Пересветова — против вельмож.

Оба идеолога дворянства стоят за укрепление самодержавной власти государя. Однако Карпов считает, что это укрепление может быть достигнуто «грозою», сочетающейся с «милостью». Карпов, писавший в 20—30-х годах XVI века, не ставит еще вопроса об устранении боярства от кормила правления страной. Иное дело Пересветов, писавший после ликвидации последствий боярской реакции. Для этого публициста «царская гроза» — это воля самодержца, решительно отстраняющего от управления коварных и праздных вельмож.

Таковы сходные черты и некоторые различия в общественно-политических взглядах передовых представителей двух поколений дворянских публицистов.

* * *

Сочинения Федора Карпова не были на Руси случайным, одиноким явлением среди несправедливо забытых произведений, появившихся во второй четверти XVI века. Следует указать на послание неизвестного автора к новгородскому епископу Макарию (1526—1542 гг.).¹ Это произведение представляет собой блестящий образец яркого литературного стиля и своеобразного строя мыслей автора, столь показательных для первой половины XVI века. В. Ф. Ржига, нашедший упоминаемое послание, отмечает у его автора «индивидуалистический порыв к славе, столь характерный для эпохи Возрождения».² Однако он напрасно связывает это послание лишь с западным влиянием. Автор этого послания

¹ ГПБ, собр. СПб. ДА, № 430, лл. 44—46 об. Рукопись середины XVI века. Водяной знак — перчатка (рука) с кружевами и с короной над нею (см.: А. Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих СПДА, СПб., 1894, стр. 390). Издано В. Ф. Ржигою (см. его работу: К вопросу о западном влиянии в русской литературе 1-й половины XVI в. Юбилейный збірник на пошану акад. М. С. Грушевського, т. II, у Києві, 1928, стр. 231—236).

² В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 231.

нам не известен. В конце единственного сохранившегося его списка есть помета: «Федора Ондреевича Карпо[ва]». В источниках упоминается голова в полках Ф. А. Карпов, но под 1552 годом.¹

Разбор самого послания позволяет сделать несколько предположений об авторе. Автор, очевидно, холоп, бежавший за рубеж от своего господина. Он находился где-то в Прибалтике, судя по тому, что послание адресовано новгородскому епископу и в нем упоминается католический епископ, а в слогe обнаруживается много полонизмов. Автор просит Макария ходатайствовать перед его бывшим господином, чтоб тот простил его и дал ему отпускную: «токмо рцы слово... и молви, государь, с прилежанием моему государю слово, дабы мя пожаловал, в моей вине простил и отпускную мне дал».² Таким образом, автором послания об освобождении от холопией зависимости не мог быть дворянин Ф. А. Карпов, ни сам Ф. И. Карпов (если бы было можно допустить опisku «Ондреевич» вместо «Иванович»), т. е. отпадают оба предположения В. Ф. Ржиги.³ Возможно, что помета относится к господину беглеца или под Ф. А. Карповым действительно скрывается беглый холоп. Но скорее всего эта помета вовсе не относится к данному посланию, а является заголовком следующего.⁴ Так или иначе, но автор ничего общего не имеет с представителями известной дворянской фамилии.

Послание начинается с обращения к Макарию, попечительства которого ищет автор: «В жестоких и болезненных страстях, всюду обуряемый бедами к пристанищу спасенному уповая, святых и богоподвижных ти ног целованию умилне себя поручаю». Автор славит «многоочитый ум» Макария,⁵ надеясь, что новгородский архиепископ «отженет от мене все уныние мое». Несмотря на то, что послание адресовано видному церковному иерарху, оно лишено церковного елeя и рисует нам автора, свободно и ярко излагающего свои мысли в ажурной форме красивых и убедительных слов, за которыми скрываются глубокие переживания русского человека, волею судеб оказавшегося на чужбине.

Автор с болью в сердце описывает свое положение вдали от родной земли и отчего дома. «Матери моя, — пишет он, — и братий и роду в своем отечестве пребывающим, мне же на чюже земли усташуся, яко злодею».⁶ Он с грустью пишет «о разлучении нашем от сродник моих и боголюбивых сверстник моих, всего дружескаго их совета лишена». Он не первый «бегун» за рубеж, — бежали многие холопы до него и могут бежать после.⁷ Это вызвано, конечно, самим феодальным строем жизни на Руси; бегство являлось одной из форм протеста против все усиливающейся эксплуатации. Автор послания говорит, что он бежал не по собственной воле, а попал в затруднительное положение.⁸ Налетевшею бурей обстоятельств он был, как тленый лист оторгнут от ясеня и носим по воздуху,

¹ ПСРЛ, VI, стр. 306.

² В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 236.

³ Там же, стр. 232.

⁴ На л. 44 помещено аналогичное заглавие «Макарию а[r]хиепископу».

⁵ «Праведный твой ум и многочитый ум и твоя не усыпающая очеса, подобнии небесным звездам озарению и паче же солнца зрением добротам спасающе, всюду мрачные скорбем нашестве просвещаши избавлением за безчисленныи ти святими добродетели» (В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 234).

⁶ Там же, стр. 235.

⁷ «Не аз бо первый бегци явихся в земле чуждей, но мнози и прежде мене и по мне такоже студне бежество сотворити имут» (там же).

⁸ Он пишет, что своих родственников и соотечественников «не волею же, ни хотением своим, но тако нагло нашедшею скорбию полишихся» (там же).

«пристанница не имея».¹ Пробовал автор путешествовать по различным городам, обливаясь в то же время слезами при воспоминании о родной земле,² говоря себе: «...и до дни смертного любезно ест не оставити свое отечество и видения рода лишитися».

Он просит Макария подать ему «руку помощи», как «в путях стражюшу».³ В выпренной форме автор послания обращается с просьбой к Макарию ходатайствовать за него перед старым господином: «...гортань твой отверзет и расширит ума и справит язык и устремит молитву к лицу господина моего имя рек да прошение твое мое прегрешение умертвит и отпущение подаст до моего отечества и твоими бодрыми щедротами любовнейшими паки зрети могу приятеля». Свою мольбу автор сравнивал с «тростию косноумною ми по подобию утреняго ветра доносящюся к тебе».⁴ Положение беглеца на чужбине осложнялось тем, что его «бискуп ныне хошет крещением латинским крестити силою» и вообще он находился в затруднительных обстоятельствах.⁵

До сих пор послание неизвестного холопа не заняло надлежащего ему места в истории русской литературы и общественной мысли первой половины XVI века. Однако перед нами яркий литературный памятник, свидетельствующий о постепенном освобождении общественной мысли из-под гнета церковной идеологии. Послание неизвестного автора близко к посланию Федора Карпова митрополиту Даниилу, но оно еще более лишено налета церковного мироощущения, хотя и сохраняет в ряде случаев церковную фразеологию. В послании к Макарию мы слышим живой и страстный голос русского патриота, тоскующего по своей отчизне. Это послание свидетельствует о большом таланте его автора, изображавшего свою страстную мечту о возврате на родину в глубоко поэтических образах.

Автор послания вышел из самой толщи народных масс. Условия феодально-крепостнической России не давали возможности для развития подобных талантов. Но об их существовании свидетельствует приведенное выше послание и несколько позднее — деятельность Феодосия Косого, сумевшего сделаться самым передовым мыслителем своей эпохи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Послание Ф. И. Карпова старцу Филофею

Послание Феодора Карпова,

многоученному и о словесех тшалевейшему господину Филофею иноку Феодор Иванов сын Карпов радоватися о госпде и благоиметися во всех.

Восприах твое посланейце июля в 29 от имя рек, прочтох и разумех добре. Уподобляет бо тебе наученному мужу, износящему новоя и ветхая

¹ «Аки тленен лист от древа ясеннаго бурєю отторжен и ветром носим, пристанища не имея» (В. Ф. Р ж и г а, ук. соч., стр. 235).

² «И начат путешествовати, часто обращаяся и взирая на гради, на святые церкви, яко на звезды небесныя, якоже древле Адам на рай, слезы, аки реки многоводные от очий испущах» (там же).

³ Там же, стр. 230.

⁴ Там же, стр. 236.

⁵ «Злострастием и ругою иноплеменнаго рода сего з досажением есм всюду» (там же, стр. 235).

от сокровищ своих, по еуагельской истории Омировым бо словом и риторским разумом пригодне сложени, не варварски же, ни невежески, но грамматически уметельне сложена. Похваляю, яко разум божественных и человеческих умеюща и аще поделеие поучение твоего разума, о иноче, такова суть добра и услажденна мощи веселити прочитающаго разума, какова убо будет изже¹ не спешне и просте, но со тццанием попеченым и зрением протяженнейшим сложима от тебе писание. И паки мне пиши и от нас примешши подобная, возмогай и паки возмогай.

БЛ, Собр. Тихонравова, № 380, лл. 124—124 об.²

¹ Так в рукописи: лучше читать иже.

² Текст на лл. 124—124 об. написан скорописью середины XVII века, отличающейся от почерка основного текста рукописи. Лист, очевидно, позднейшая вставка в рукопись.